

УДК-14

Гуляева И.Г.

*Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки
работников образования (г.Москва)*

**ИДЕЯ СВЕТА В «ОНТОЛОГИЧЕСКОМ СИМВОЛИЗМЕ»
Е.Н. ТРУБЕЦКОГО**

I. Gulyaeva

Academy of Professional Development and Retraining of Educators (Moscow)

**THE IDEA OF LIGHT IN YE.N. TRUBETSKOY'S
"ONTOLOGICAL SYMBOLISM"**

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты философской концепции «онтологического символизма» Е.Н. Трубецкого, существовавшей в рамках метафизического направления «онтологии света» в русской религиозной философии XIX – XX вв. Особое внимание уделено символическому значению и трактовке божественных символов, отражённых в древнерусской иконописи. Идея света в «онтологическом символизме» Е.Н. Трубецкого представлена в контексте символического значения многообразия цветовых оттенков и различных художественных приёмов, несущих в себе всю полноту божественных энергий. Икона, как высший символ православия, по мнению Е.Н. Трубецкого, является прообразом «грядущего храмового человечества» и играет важную онтологическую, аксиологическую и гносеологическую роль в созерцании нетварного света и духовном прозрении православного человека. В связи с этим в статье представлена общая теоретическая характеристика концепции философского персонализированного символизма Е.Н. Трубецкого.

Ключевые слова: Е.Н. Трубецкой, нетварный свет, «онтологический символизм», икона, образ, Божественная энергия, Первообраз, древнерусская иконопись, символика цвета.

Abstract. This article describes the main aspects of Ye.N. Trubetsky's philosophical concept of «ontological symbolism» which was the part of metaphysical «ontology of light» in Russian religious philosophy of the 19th - 20th centuries. Particular attention is paid to symbolic meaning and interpretation of the divine as reflected in the Old Russian iconography. The idea of light in the «ontological symbolism» by Ye.N. Trubetsky is presented in the context of symbolic meaning of the variety of colors and different artistic techniques absorbing the fullness of divine energy. According to Ye.N. Trubetsky being the ultimate symbol of the Orthodoxy an icon is a prototype of «the coming temple humanity» and plays an important ontological, axiological and epistemological role in contemplation of the noncreated light and spiritual enlightenment of the Orthodox people.

Key words: Ye.N. Trubetsky, noncreated light, «ontological symbolism», icon, image, divine energy, archetype, Old Russian icon paintings, color symbolism.

Существуют все необходимые предпосылки для утверждения идеи о существовании в рамках русской религиозной философии относительно самостоятельного направления «онтологии света», одним из проявления которой и являлась метафизическая концепция «онтологического символизма» Е.Н. Трубецкого. Учение об «онтологическом символизме» развивалось в русле сложившейся историко-философской традиции метафизики

света, берущей начало от платоновского учения о двух мирах («мир идей» и «мир вещей»), получившей развитие в идеях неоплатонизма, исихазме Григория Паламы, учении Нила Сорского, духовно-молитвенной практике заволжских старцев, а также в трудах русских религиозных философов XIX в. П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова.

Объектом философской концепции Е.Н. Трубецкого выступала онтология света, то есть Божественной энергии, пронизывающей человеческое бытие, побуждающей человека к нравственному самоочищению, преобразованию себя и окружающего мира в соответствии с заповедями Христовыми.

Предметом исследуемой философской концепции являлся «онтологический символизм» иконописного образа, проявлявшийся в следующем: во-первых, как образная «книга» символов христианства (чем праведнее жизнь христианина, тем в большей степени доступен ему язык икон); во-вторых, у верующего человека отношение к иконе (молитва) является важнейшим религиозным действием, символическим от первого до последнего слова, жеста, мысли (поклонение не иконе, не материалу, из которого она сделана, а Первообразу); в-третьих, функциональное воздействие иконы на верующего также символично (своей образной светоносностью икона раскрывает догмат веры, содействует молитве и оказывает помощь верующему в поиске пути преображения). Е.Н. Трубецкой, исследовав смысл символов, несущих в себе лучи Божественной благодати, писал: «чтобы понять значение тех посюсторонних красок, которые мы видим, нужен подъём над непосредственной данностью другого к всеединому Свету, который в нём отражается» [5, с. 162].

Суть концепции онтологического символизма состоит в раскрытии идеи света, обеспечивающей энергичное проникновение «потустороннего мира» в мир по-

вседневной реальности. «Так или иначе, – отмечал Е.Н. Трубецкой, – в иконописи отражается та борьба двух миров и двух мироощущений, которая наполняет собой всю «историю человечества» [4, с. 234]. Под идеей света Е.Н. Трубецкой, как и Григорий Палама, понимал проявление различных Божественных энергий. «Каждая божественная сила или каждая энергия и есть Сам Бог» [2, с. 269]. Без идеи света онтологии «потустороннего мира» и мира повседневной реальности существовали бы параллельно, абсолютно независимо друг от друга и, возможно, даже не знали бы о существовании друг друга. Кроме того, проникновение Божественных энергий в повседневность – это всегда борьба, непримиримый конфликт добра со злом, с пространством, а полем боя для этой борьбы выступает душа человека. Степень «взаимопроницаемости двух миров» для каждого человека своя, и изменяется она в зависимости от силы веры и напряжённости его религиозного действия. Духовное познание Нетварного света реализуется посредством участия православного человека в церковных таинствах, через образы слова Священного Писания, через язык символов иконы, храмовой архитектуры. Божественные символы являются связующим звеном между Богом и человеком. Символ, например икона или крест, как и божественный свет, являет Бога и соединяет с ним [3, с. 146-150]. Онтологический символизм иконы (естественный, словесный, изобразительный) является необходимым условием и средством самой возможности познания Абсолюта. Нетварный Божественный свет является через икону, нисходит к человеку, чтобы затем возвести его к Первообразу. «Так осуществляется в человеке образ и подобие того всеединого сознания, которое держит в себе все и есть истина всего» [5, с. 174].

В «онтологическом символизме» Е.Н. Трубецкой даёт философскую харак-

теристику основных символов древнерусской иконы. Такой важнейший символ Е.Н. Трубецкой видел в «красках иконы». «...Живописец умеет, – утверждал он, – красками отделить два плана существования – потусторонний и здешний. Мы видели, что эти краски весьма различны. То это пурпур небесной грозы, то это ослепительный солнечный свет, или блистающие лучезарного, светоносного облика. Но как бы ни были многообразны эти краски, кладущие грань между двумя мирами, это всегда – небесные краски в двойном, т. е. в простом и вместе символическом значении этого слова. То – краски здешнего видимого неба, получившие условное, символическое значение знамений неба потустороннего» [6, с. 47]. Каждый цветовой оттенок в иконописи не случаен, имеет своё место, смысловое значение. Всё соответствует канону, и если передаваемый иконописцем смысл иконы нам не ясен, то лишь потому, что «мы потеряли ключ к пониманию этого единственного в мире искусства» [6, с. 47].

Смысловая гамма иконописных красок огромна: от многообразия оттенков небесных цветов (голубого, тёмно-синего, цвета звёздной ночи и дневного сияния голубой тверди) к множеству бледнеющих на закате тонов светло-голубых, бирюзовых и даже зеленоватых, появляющихся с заходом северного солнца. Необходимо отметить, что лишь золотой (солнечный) цвет обозначал центр божественной жизни, все же остальные рассматривались как вспомогательные. «Иконописцы каким-то мистическим чутьём предугадывают открытую веками позже тайну солнечного спектра. Будто все цвета радуги ощущаются ими как многоцветные преломления единого солнечного луча Божественной жизни» [6, с. 227]. «Светоносная благодать» обозначалась в древнерусских иконах золотыми штрихами: радиально расходящимися от не постижимого источника золотыми нитями на складках одежды Христа, на крыльях

ангелов, на складках одежды Богородицы. Неизречённая красота красок потустороннего мира проявляется в реальной действительности, где и происходит преломление божественных лучей Нетварного света.

Е.Н. Трубецкой в концепции «онтологического символизма» исследовал художественные приёмы, посредством которых иконописцы передавали движение Божественной энергии. Наиболее значимым был приём «прислушивание» – композиционное иконописное действие, в процессе которого Нетварный свет передаётся не взглядом, а «слухом». Фигуры, освящённые божественным светом, приобретают определённую удлинённость, придающую им своеобразное символическое значение. «Это радужное и полуденное сияние, которое воспринимается не зрением апостолов, а как бы их внутренним слухом, – тем самым одухотворяется: это – потусторонний, звучащий свет солнечной мистики светоносного слова. Недаром слово в Евангелие Иоанна именуется светом, который во тьме светит» [6, с. 58]. На древнерусских иконах, отмечал философ, мы видим плоскостное миропонимание («икона – искусство на плоскости»), сводящее всё к свету не взглядом, а слухом. «Иногда это даже не поворот, а поза человека, всецело углублённого в себя, слушающего какой-то внутренний, неизвестно откуда исходящий голос, который не может быть локализован в пространстве. Но всегда это прислушивание изображается в иконописи как поворот к невидимому. Отсюда у евангелистов это потустороннее выражение очей, которые не видят окружающего» [4, с. 234].

Е.Н. Трубецкой выделял ещё один важный художественный приём, символизирующий Нетварный свет в иконе, – ассист. Ассист никогда не имел вида «сплошного, массивного золота; это – как бы эфирная, воздушная паутинка тонких золотых лучей, исходящих от Божества и блистанием своим озаряющих всё окружающее.

Когда мы видим ассист, им всегда предполагается и указывается Божество как его источник» [4, с. 226]. Чаще всего в древнерусской иконописи ассист применяли для противопоставления друг другу либо двух миров («оттолкнуть запредельное от здешнего»), либо соприкосновения солнечного света с тьмой» [4, с. 228-231]. Золотой цвет на иконе «говорил» средневековому православному человеку о Боге, о благодати и красоте мира, позволяя ему почувствовать Божественное сияние и величие небесного царства.

В качестве ещё одного художественного приёма изображения Божественного света в иконописи Е.Н. Трубецкой называет «звезду, окружающую спасителя», посредством которой передавалось проникновение Нетварного света. Так, в новгородской живописи Нетварный свет «всегда изображается в виде звезды, окружающей Спасителя. В самой сердцевине этой звезды Спаситель всегда весь залит золотом ассиста в соответствии с евангельскими словами: «И просияло лицо Его, как солнце...» (цит. по: [4, с. 226-227]). Но «края звезды наполняются другими небесными цветами – тёмно-синим, голубым, зеленоватым и оранжевым» [4, с. 226-227].

Названные и другие художественные приёмы «онтологического символизма» Е.Н. Трубецкого подтверждают мысль о том, что человек способен узреть Нетварный свет, познать его в мире повседневной жизни, посредством правильно прочтённых и понятых Божественных символов. Исходя из этого, по направленности можно определить философское учение Е.Н. Трубецкого как концепцию философского персонифицированного символизма. Философского – из-за предельно широкого взгляда на проблему и глобальности объекта исследования; символизма – так как речь шла о языке символов как способе познания двух рассматриваемых типов онтологии; персонифицированного – пото-

му, что реальной основой существования данной концепции является разум и сердце персонально каждого православного человека. Персонифицированность «онтологического символизма», был уверен Е.Н. Трубецкой, проявлялась в личностном характере православной веры. Древнерусское религиозное искусство строилось на отражении личностного общения православного с Божественной силой, зародившееся в борьбе с «искушением звериным царством», которому противостояли иконописцы, «воплотив в образах, красках то, что наполняло их душу – видение иной жизненной правды и иного смысла» [7, с. 202]. Этот невидимый мир невозможно передать словами, это возможно сделать только красотой и мощью «несравненного языка религиозных символов» [7, с. 197]. Древнерусская икона, в рамках исследуемого философского учения, рассматривалась символом высшего порядка, так как она в концентрированном виде отражала проявления Нетварного света во всеобщности и конкретности бытия и духовности. Икона воспринималась как прообраз «грядущего храмового человечества», которого мы пока не видим в нынешних грешных людях, а только угадываем, поэтому икона может служить лишь символическим его изображением. Процесс познания Нетварного света у верующего человека ограничен, и символизм древнерусской иконы играет важную для его мировоззрения онтологическую, гносеологическую и аксиологическую роли.

Таким образом, во-первых, учение «онтологического символизма» Е.Н. Трубецкого обладает целостным, достаточно оформленным теоретическим содержанием, отражающим одну из граней представленного в отечественной религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX вв. метафизического направления «онтологии света». Во-вторых, концепция «онтологического символизма» в извест-

ной степени продвинула не только русскую религиозную эстетику, но и русскую религиозную философию. В этой концепции символическое понимание иконы с её образностью увязывалось с конкретно-историческим контекстом древнерусского метафизического мирозерцания, позиционировалось и оправдывалось как художественно-философское воплощение идеального, онтолого-символического православного видения мира. Средствами художественной выразительности иконы человек призывался к нравственному очищению, самосовершенствованию, отказу от «звероподобной жизни» и максимально возможному приобщению к энергии Нетварного Света [1, с. 23-27].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаврюшин Н.К. Вехи русской религиозной эстетики // Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. Антология / Сокровищница русской религиозно-философской мысли. Вып. I. – М.: Прогресс; Культура, 1993. – 400 с.
2. Григорий Палама. О боготворящем причастии / Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. – М., 1997. – 295 с.
3. Егорова М.М. Исихазм как философская предпосылка становления русской философии имени первой трети XX века // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». № 3. – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – С. 146-150.
4. Трубецкой Е.Н. Два мира в древнерусской иконописи. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. Антология / Сокровищница русской религиозно-философской мысли. Вып. I. – М.: Прогресс; Культура, 1993. – 400 с.
5. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – Берлин: Слово, 1922. – 282 с.
6. Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе // Два мира в древнерусской иконописи. – М.: Инфоарт, 1991. – 112 с.
7. Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. Антология / Сокровищница русской религиозно-философской мысли. Вып. I. – М.: Прогресс; Культура, 1993. – 400 с.